

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

**Николай
Скиба**

ЗВЕРОЛОВ

ЕГЕРЬ. СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

ЕГЕРЬ. ОПАСНАЯ ЗОНА

ЕГЕРЬ. ВЫЗОВ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С42

Серия «Коллекция боевой фантастики»

Дизайн обложки *Василисы Сухаревой*

Иллюстрация на обложке *Дениса Олтаржевского*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Скиба, Николай

- С42 Зверолов: Егерь. Системный зверолов. Егерь. Опасная зона. Егерь. Вызов: сборник / Николай Скиба. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 816 с. — (Коллекция боевой фантастики).

ISBN 978-5-17-192714-1

Воздух пахнет хвоей, вокруг — июльская тайга. Я — егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац — выстрел и темнота. Очнулся, а мне... семнадцать лет. И зовут меня теперь Максим.

И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках — красные татуировки зверолова.

Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей.

Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания.

С моим опытом и «Звериным кодексом» это не составит труда. Потому что лес — он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-192714-1

© Николай Скиба, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЕГЕРЬ. СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

Глава 1

Я шагал по сибирской тайге, а она в июле, скажу я вам...

Что ж, это не просто лес. Это живой, дышащий зверь — мой зверь.

Воздух пахнет хвоей и смолой, а где-то вдали трещат кузнечики, заглушая редкие птичьи трели. Я иду впереди, чувствуя, как подошвы сапог пружинят на мху, а ветки цепляются за старую куртку. Двое новичков, которых я веду на охоту, пыhtят сзади, как паровозы на последнем издыхании. Богатенькие, из тех, что платят за «экзотику», эмоции и добычу.

— Уже... всё... сказал тебе! — пропыхтел один из клиентов позади — тот, что потолще. С красным лицом и золотыми часами, поблёскивающими на запястье. Как же его звали? Точно, Олег.

— А я тебе ещё раз говорю, не надо сейчас бабки выводить! Чё ты ведешь себя как трусливая баба? Ты никогда за бабло не отвечал и в эту тему не лез, чё начал-то? — с едва скрываемым презрением, почти истерично выпалил второй.

Знаете, есть такие люди, от взгляда которых хочется проверить, не украли ли твой кошелёк. Вот этот явно из таких, и явно умнее своего дружка. Даже имя его запомнил, Павел, точно. Он держал ружьё, дорогущее, с гравировкой, но сжимал его так, будто боялся, что оружие само выстрелит. Глазки то и дело как-то хаотично бегали, останавливаясь то на мне, то на Олеге.

— Потому что не хрен сидеть на наших деньгах как Скрудж Макдак. Захотел и полез, мы равноценные партнёры! — огрызнулся первый.

— Эй! А ну замолкните, вы не на базаре тут, — рыкнул я, оборачиваясь. — В лес глубже зайдём, что делать будем?

— Ты свою работу делай, егерь, без тебя разберёмся, — противно процедил Павел.

Я глубоко вздохнул, сдерживаясь, чтобы не надеть глупостей, о которых потом могу пожалеть.

Ну удружил Витёк, сослуживец, твою мать! Позвонил же, умолял: «Проведи, люди хорошие, я у них в долгу». Ладно, Витька, так и быть.

— Сказал же, тихо себя ведите, сами за добычей пойдёте. Ясно, нет? — я остановился и выжидающе посмотрел Павла.

— Да ладно-ладно, чё ты, — хмыкнул он в ответ.

— Пошли, — холодно сказал я и мотнул головой.

Уж навидался таких. Приезжают в своих модных куртках, с блестящими ружьями, а в глазах — ни черта понимания, что такое лес. Мне-то без разницы, вот только топают как слоны, а потом ещё могут высказать тебе. Мол, проходимец ты, Иван Александрович, денег взял, а кабана не убили. И нет смысла объяснять, что сами виноваты.

Чего в лесу с такими «клиентами» только не бывает.

Я невольно улыбнулся, вспоминая забавный случай. Был один контуженый, друг его на охоту решил вывезти. Большая компания собралась, в охоте вроде разбирались, а меня наняли тропы лесные показывать.

И контуженый этот вечно твердил что-то про то, что за ним следят. Люди разные бывают, пока в лес не вошли — нормально с ним всё было. А чем глубже пробирались, тем хуже становилось. Паника, и в каждой тени противника видит. В итоге зацепился курткой за ветку и, с криком «ЗАСА-А-АДА», начал заваливаться, да шмальнул в воздух. Повезло, что не убил никого. И как только лицензию получил, ума не приложу. Хотя, чего это я, все прекрасно знают, как это делается.

Это сейчас смешно, а тогда не очень было. Половину гонорара им отдал и отказался, ходить с такими в лес — себе дороже.

— Блин, егерь, далеко ещё? — вновь пропыхтел Олег.

— Скоро, — буркнул я, не оборачиваясь. — Следы свежие, кабан близко. Только тише, а то спугнёте.

Я остановился, присев на корточки.

Следы на мягкой почве были чёткие: копыта вдавились глубоко, а рядом — лёгкий отпечаток когтей. Зверь крупный,

килограммов на сто пятьдесят. Судя по глубине следов, он не спешил, но был настороже. Я провёл пальцем по краю отпечатка, ощущая влажность земли. Недавно прошёл дождь, значит, следы не старше пары часов. Лес вокруг был тихим, слишком тихим — ни птиц, ни шороха ветра.

Тайга затаилась, решила поиграть со мной? Утихла, как перед бурей.

Меня всему учил дед, папашки-то не было, а маму болезнь давно уж забрала, я тогда в классе втором был. И дед влюбил меня в тайгу, так уж вышло.

Чтобы стать егерем — очень много вещей нужно знать и помнить. Да и характер нужен подходящий. Ты должен и любить лес, и уметь читать его, как книгу: по сломанной ветке понять, где прошёл кабан, по едва примятому мху — куда ушёл лось, по запаху в воздухе — близко ли дождь. Дед учил всему, как только понимал, что мне это действительно интересно.

Надо разбираться в повадках зверей, знать, когда заяц петляет от страха, когда волк метит тропу, чтоб тебя обойти, а где будет медвежья берлога. Ты должен предугадывать — не только движение зверя, но и капризы погоды. Потому что в тайге метель или гроза разрешения не спрашивают.

Чего мне было не занимать, так это терпения. Можно часами сидеть в засаде, не шевелясь, пока кости не заноят, но всё равно держаться.

Если новичок спугнул дичь или сломал снаряжение, ты не орёшь, а учишь, хоть внутри и может копиться раздражение.

— Это его следы? — шепнул Павел, его голос стал очень напряжённым.

— Да, — кивнул я, поднимаясь. — Идём, но тихо. Только хватит спорить про дела постоянно, мы же на охоте, а не в вашем офисе. Слышите, как ветки хрустят? Это вы, мужики, топаете постоянно.

— Ой, да ладно, не услышал твой кабан, — Олег хохотнул и с вызовом посмотрел на меня.

Не люблю я таких... Они платят, да, но вечно всё портят: то шумят, то лезут не туда, то начинают умничать, вот как сейчас. Бывают, конечно и хорошие клиенты, с которыми и поболтать можно, рассказать, что полезное, если им интересно. Но те, как

правило, слушают и результат получают. Встречаются и такие, которые нанимают меня чисто как проводника, а охоту любят до дрожи и советы не терпят. Тогда я молчу в тряпочку и только на вопросы отвечаю, если зададут.

Так что тут, как и на любой другой работе — разные люди заходят. И моё отношение тоже разное. На некоторых рычать приходится, хоть у егеря и терпения в избытке. Но остро углы не срезаю, потому что деньги мне нужны, чего уж тут. На официальную зарплату не разгуляешься.

— Идём? — буркнул Олег и кивнул в глубину тайги.

Я повёл их дальше, вдоль узкой тропы, где мох сменялся каменистой почвой. Солнце пробивалось сквозь кроны, рисуя пятна света на земле.

Жарко, пот заливал глаза, рубашка липла к спине.

Я остановился и прислушался. Где-то вдалеке хрустнула ветка. Не наша.

Поднял руку, давая знак замереть. Олег открыл было рот, но я цыкнул на него, и он заткнулся. Этот хруст был характерным, слишком тяжёлым для белки или лисы.

— Оно? — шепнул Павел, и в его голосе я уловил не только азарт, но и осторожность. Страх — это хорошо, значит умный мужик.

— Может быть, — ответил я, прищурившись. — Держите оружие наготове, но без моего сигнала не стрелять. Поняли?

Оба кивнули, хотя Олег выглядел неуверенно, будто ожидание не совпало с реальностью.

Я украдкой усмехнулся в свою бороду и двинулся вперёд. Держал ружьё низко, но палец на спусковом крючке. Следы кабана вели к зарослям орешника. Вдохнул глубже, уловив слабый мускусный запах. Да, кабан близко.

Мы углубились в чащу, деревья тут стояли так плотно, что свет едва пробивался. Шёл первым, раздвигая ветки и чувствовал, как колючки царапают руки.

Олег споткнулся, выругался шёпотом, а я лишь усмехнулся и покачал головой. Ничего другого от них и не ждал. Я уже давно знал, что ветер дул в нашу сторону, слабо, но надёжно. Хорошо, не уцел.

И тут увидел его.

Кабан стоял в прогалине, здоровенный, с клыками как кинжалы. Шерсть лоснилась, глаза насторожённые. Я медленно поднял руку, сигнализируя остановиться.

Зрение у него слабое, на такой дистанции он вряд ли разберёт наши силуэты, если не дёргаться. Только вот Павел с Олегом за моей спиной дышали, как загнанные кони, и я шикнул, чтоб затихли.

Зверь вдруг вскинул голову, фыркнул, мотнув мордой. Что-то заметил. Но бежать не спешил, стоял, будто прикидывал, кто мы такие. Я замер и прищурился, держа ружьё наготове.

— Стреляйте, когда скажу, — шепнул, не сводя глаз с зверя. — Цельтесь в шею, ниже уха. И не дёргайтесь.

Чувствую, как пот стекает по виску. Сердце колотится, но мои руки твёрдые — дело привычное.

Кабан всё фыркает, копает землю копытом. Мощные клыки блестят в пятнах солнечного света, пробивающихся сквозь крону. Зверь чует что-то неладное, но пока не бежит. Я медленно поднимаю ружьё, целюсь в шею, ниже уха, как учил дед — одним точным выстрелом, чтобы не мучить.

— Нет, ну я не могу! У меня внутри прямо всё горит, Пашка! Не верю я, короче, тебе про бабки! Лоха из меня делаешь! — вдруг зло прошипел Олег позади меня, явно забыв про то, где мы находимся. — Деньги с нашего общего счёта потратил, а теперь мажешься!

Я замер. Чёрт возьми, какого творят эти дебилы? Сказано же было — тихо!

Кабан насторожился ещё больше, его маленькие глазки-бусинки искали источник шума.

— Заткнись, придурок! — взвизгнул в ответ Павел, и в его голосе была такая ярость, что даже птицы замолкли. — Не знаешь ничего и базаришь! Согласился же, что я финансами заведую!

— Согласился на сделку, а не на то, чтобы ты полмиллиона в казино просрал! — голос Олега дрожал от бешенства. — Думал, я не узнаю? Мне Сашка из охраны твоей рассказал! Ты меня за лоха держишь?

Я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Полмиллиона? Казино? Да они что, совсем с катушек съехали? Я резко обернулся, забыв про кабана, и увидел лица двух

мужиков — красные от злости, искажённые яростью. Олег сжимал кулаки, а Павел держал ружьё, но направлял его не на зверя, а куда-то в сторону.

— Тихо! — зашипел я. — Вы что творите, идиоты? Зверь же...

— Да пошёл ты со своим зверем! — рявкнул Олег и толкнул меня в плечо. — Мы тут серьёзные дела обсуждаем. Партнёр мой тут решил поиграть в большого человека.

— Я не играл. — Павел побагровел. — Это была инвестиция. В новый проект. Но эти козлы кинули!

— Чёрт, всё-таки я был прав? Ну ты и... Какая инвестиция, debil? В рулетку инвестиция?! — Олег схватился за голову. — Да я тебя убью! Это были деньги на закрытие долгов! Ты понимаешь, что теперь будет?!

При упоминании долгов лицо Павла изменилось. Стало бледным, но тут же снова налилось злостью.

— Ничего не будет. Найдём деньги. Продадим склады, займём ещё!

— У кого займём? — Олег смеялся, но смех был истерический. — Ты уже всех должников обошёл! Да нас же... с потрохами сожрут, если не вернём к сроку!

Кабан фыркнул ещё громче и сделал шаг назад. Он готовился к бегству. Впрочем, кажется, моих «клиентов» это больше не волновало.

— Заткнитесь оба! — прошипел я. — А не то...

Павел резко повернулся ко мне, его глаза горели бешенством. Ружьё в его руках развернулось прямо на меня.

— А не то что? — процедил он сквозь зубы. — Сам заткнись, егерь паршивый! Не с тобой разговор идет!

Холод прошёл по спине. Ствол смотрел прямо в грудь, палец Павла лежал на спусковом крючке. А вот моё ружьё опущено, точно не успею. Я быстро оценил расстояние — метра три, может чуть больше. Если рвануть в сторону, за дерево... Но он может выстрелить раньше. Если просто вскинуть ружьё и остаться на месте — шансов попасть в меня больше.

— Послушай, Пашка... остынь. — Олег нахмурился, смотря на него. — Ты чего творишь? Мы же...

— А знаешь, — вдруг холодно сказал Павел. — Уже всё равно.

В его голосе появилось что-то страшное. Он наставил ружьё на компаньона.

— Эй, ты чё? — Олег подался назад, вскидывая руки. — Не дури!

БАХ!

Выстрел разорвал тишину тайги оглушительным громом. Эхо покатилося между могучими стволами сосен и елей, отражаясь от коры, а птицы поднялись с веток чёрной тучей.

Кабан где-то вдалеке от нас басовито взревел и рванул в чащу. Звук удаляющегося зверя смешивается с предсмертным хрипом Олега, а убийца наводит ружьё на меня.

В критический момент думать некогда — только реагировать. Адреналин бьёт в виски, время словно замедляется.

БАХ!

Выстрел Павла грохочет первым. Дробь свистит совсем рядом, сдирая кору с дерева. Если б не рванул в сторону — размазало бы по стволу.

Но я успеваю укрыться.

Не останавливаясь, на адреналине, вскидываю ружьё на ходу. Мушка — прямо в центр грудной клетки.

БАХ!

Мой выстрел разносится эхом по тайге. Павел отлетает назад. Ружьё выпадает из рук, со звоном ударяется о камень, а он падает на спину в жёлтые опавшие листья, широко раскинув руки. На груди клетчатой рубашки мгновенно расплывается тёмное пятно.

Хорошо попал. Точно наглухо.

Сердце колотится как бешеное, в горле пересохло. Через адреналин пробиваются странные ощущения. В боку словно раскалённое железо воткнули.

Опираюсь о дерево. Ноги слабеют, в глазах темнеет. Вот же чёрт! Неужто задел? Дыхание даётся с трудом, каждый вдох отдаёт мучительной болью. Рубашка быстро намокает от крови — слишком быстро. Точно задел, зараза!

Тишина давит на уши. Только ветер шелестит в кронах.

Нужно выжить. До просёлочной дороги отсюда три километра через болотистую низину — в нормальном состоянии прошёл бы за полчаса неспешным шагом, но сейчас...

Всё равно нельзя сидеть на месте, надо действовать. Делаю шаг — и у меня подкашиваются колени. Земля под ногами становится ватной, неустойчивой. Падаю на четвереньки, пытаюсь встать — руки подводят, растягиваюсь на земле.

Вот же... Кажись, это конец. Не так я его себе представлял, не так.

И самое поганое, что убили меня не волки, не медведь, не холод и не стихия, а обычные люди... да «просьба» друга. Да уж, удружил Витёк, ничего не скажешь, удружил. Впрочем, какая уже разница...

Тайга забирает меня. Медленно, неспешно, как и положено настоящей хозяйке этих мест. Она просто берёт своё. В ноздри ударяет запах прелых листьев, мокрой земли и грибной сырости. Последнее, что слышу — это монотонный шорох листвы на ветру да далёкий размеренный стук дятла, который всё долбит свою сосну.

Тайга никогда не осуждает, никого не жалеет. И в этом есть её истинная ценность и честность. Только лес не врёт и не предаёт. Он просто есть, со своими законами. Жёсткими, но справедливыми. Да уж, не зря говаривал дед: «Доверяй лесу, а не людям». Лес врать не умеет.

И меня накрывает тишина — глубокая как сама тайга.

Тепло. Мягкое, обволакивающее, как воспоминание о лете в детстве, когда мать гладила меня по голове после долгого дня на сенокосе.

Я почувствовал прикосновение — шершавая, но тёплая ладонь легла мне на лоб. Кожа была грубой, с мозолями, какие бывают у тех, кто годами таскает тяпки и роет землю. Но в этом прикосновении было что-то родное, давно забытое. Тепло разлилось по груди, и я, чёрт возьми, чуть не улыбнулся. Сколько лет прошло с тех пор, как кто-то касался меня так? С такой заботой. Я попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как камни.

Ощущения странные, будто испытываю чьи-то чужие эмоции.

— Макс, сыночек, очнись, — женский голос, усталый, но полный надежды.

Макс? Какой, к чёрту, сыночек?

И тут же в голове будто молния ударила. Я — Иван Александрович, егерь, пятьдесят два года, тайга, выстрел...

Вот ведь урод этот Павел...

Попытался вдохнуть, но грудь сдавило. Сердце заколотилось, шок на миг накрыл с головой как волна. Это не мой дом, не моя тайга. Где я, чёрт возьми?

Я заставил себя открыть глаза. Свет был тусклым, лился из маленького окна, завешенного выцветающей тряпкой.

Надо мной склонилась женщина. Её лицо... оно было красивым, но усталость оставила свои следы. Глубокие морщины у глаз, волосы, убранные в простой пучок. Она была моложе меня, но жизнь, видать, высосала из неё всё, что могла. Я смотрел на неё, и в груди что-то сжалось от какого-то смутного чувства, будто я должен её знать.

— Макс, ты очнулся! — она схватила меня за руку, её пальцы дрожали. — Слава богу!

Так, почему я вообще лежу в койке средь бела дня? Солнце так и палит в окно. Непорядок.

Попытался сесть, но тело не слушалось. Руки оказались тонкими, чужими, кожа гладенькая, без шрамов, которые я наживал годами в тайге. Посмотрел на свои ладони — мальчишеские, даже без мозолей.

Да это же просто... Это не моё тело!

А ещё от локтя до кистей нанесены какие-то странные, еле заметные красные татуировки. Вот только блеклые, их едва ли видно — будто бы ещё пара дней и пропадут.

— Пей, — женщина сунула мне глиняную кружку с чем-то, что пахло травами и болотом.

Я поднёс её к губам, сделал глоток и скривился. Горькое, как полынь, только туда будто ещё сырой земли набросали.

— Пей, Макс, Ирма была права, эта настойка помогает от твоей хвори!

Я всё ещё не мог осознать происходящее, мысли вихрем кружились в голове, поэтому выпил. Чувствовал, как жидкость обжигает горло. Хворь? Какая хворь? Я же был в тайге, вёл этих двоих на охоту, а потом... Чёрт, я умер, да? Или это какой-то бредовый сон?